

М. Л. Шуб

**Классика в пространстве современной культуры:
специфика восприятия и формы актуализации**

Статья посвящена осмыслению феномена классики, классического художественного наследия сквозь призму их бытия в пространстве актуальной культуры. Представлены результаты проведенного автором социологического исследования, посвященного выявлению места в системе ценностных представлений россиян феномена прошлого как такового и его отдельных проявлений. В частности рассмотрены вопросы, связанные с оценками современными респондентами классики как таковой, с их отношением к взаимосвязанности классического и современного искусства, с восприятием разного рода актуализации, интерпретации, переосмысления классики. Отдельное внимание уделяется анализу социокультурной роли классики, ее рассмотрению как механизма обеспечения последовательности и преемственности в развитии культуры. В целом делается вывод о высоком ценностном статусе классического наследия в системе художественных представлений респондентов XXI в., о наличии, с их точки зрения, преемственности, эволюционных механизмов динамики в системе художественного наследия прошлого и актуального художественного творчества, а также о допустимости, но предельной корректности любых манипуляций с классическими образцами.

Ключевые слова: искусство, художественный образ, классика, классическое наследие, современное искусство, отношение к классике, актуализация классики, прошлое, традиция, социологическое исследование, актуальная культура, культурная память.

M. L. Shub

Classics in the Modern Culture Space: Perception Specificity and Forms of Updating

The article is devoted to judgment of the phenomenon of classics, classical art heritage through the prism of their being in space of current culture. Results of the sociological research are presented, which was conducted by the author and was devoted to identify the place in the system of the Russians' valuable representations of the phenomenon of the past as that and its separate manifestations. In particular the questions are considered concerning modern respondents' estimates of classics as that, with their attitude towards coherence of the classical and modern art, with any perception of updating, interpretation, reconsideration of classics. The separate attention is paid to the analysis of the sociocultural role of classics, its consideration as a mechanism of ensuring sequence and continuity in cultural development. In general the conclusion is drawn about the high valuable status of classical heritage in the system of art representations of respondents of the XXI century, about existence, from their point of view, continuity, evolutionary mechanisms of dynamics in the system of art heritage of last and current art creativity, and also about admissibility, but certain correctness of any manipulations with classical samples.

Keywords: art, artistic image, classics, classical heritage, modern art, attitude to classics, updating of classics, past, a tradition, a sociological research, current culture, cultural memory.

Искусство, как известно, наряду с философией, мифологией, религией и наукой, является формой познаний мира. Специфика этого способа познания заключается в том, что, в отличие, скажем, от науки, оперирующей системой доказательств и процедурами верификации, искусство позволяет осуществлять познание с помощью художественных образов.

Под художественным образом мы понимаем идею, возникшую в сознании творца, материализованную в произведении искусства и воспринятую, проинтерпретированную, оцененную реципиентом.

Основу гносеологического аппарата искусства составляют именно художественные образы, позволяющие транслировать опыт (в самом широ-

ком смысле этого слова) как во времени, так и в пространстве. Художественный образ – это своего рода «капсула смысла», это универсальный способ транспортировки некоего послания, инструмент межпоколенной и межкультурной коммуникации.

Однако форма и содержание такой «капсулы» могут меняться в зависимости от историко-культурного контекста, от задач, которые ставятся перед искусством. Скажем, образный язык современного художественного творчества (contemporary art) принципиально отличен от традиционного, или, как его часто называют, классического. При этом и классика, и новые, экспериментальные художественные формы «уживаются» в пространстве актуальной культуры. И если

первая обеспечивает непрерывность и преемственность художественного процесса, то вторые – его обновляемость и адаптивность к меняющимся реалиям.

В рамках данной статьи мы бы хотели проанализировать специфику восприятия классического наследия реципиентами XXI в. и формы его возможного переосмысления, актуализации, реадaptации в современной социокультурной ситуации.

Вопросы, связанные с осмыслением процессов трансформации искусства, его выразительных средств, решаемых им сегодня задач, с анализом взаимодействия традиционных и экспериментальных художественных форм, на первый взгляд кажутся узконаучными и исключительно искусствovedческими. Однако, по нашему мнению, попытка их изучения выводит исследователя на значительно более широкие горизонты общегуманитарной проблематики.

Это связано во многом и с господствующей сегодня общественно-политической риторикой, и с реальным наполнением актуальной социокультурной ситуации. С одной стороны, современное общество (точнее его европо-американский модус) ориентировано прежде всего на прогресс, на изменения, на обновление, на культивацию страха устаревания и старомодности. Происшедшее еще вчера заполняет бездонный архив уже неактуальной информации, а функция «обновить» из собственно пользовательской превратилась почти в системно-универсальную.

С другой стороны, современный человек, по меткому замечанию У. Эко, – это человек, идущий вперед со свернутой назад шеей. Конструируемая сегодня в России идеология базируется на фундаменте исторической идентичности, идеях патриотизма и гордости за наше великое прошлое. Ежегодно создаются разного рода телевизионные продукты, формирующие каркас этой еще не построенной национальной идеи (достаточно вспомнить проект «Имя России»). Пространство массовой культуры заполнено ремейками, ремиксами, ретро-проектами, авторскими реинтерпретациями классики и в целом – различными формами «оживления культурных мумий» [2, с. 59]. Повседневность наполняется новыми практиками коммемораций: «в обществе наблюдается рост интереса к истории, который проявляется в увеличении количества мемориальных мест, в развитии краеведческих музеев, посвященных отдельным сторонам исторического прошлого, в распространении исторических

обществ, возрождении обрядов, обычаев, в культурно-исторической реконструкции сражений или балов, в частных генеалогических изысканиях и т. п.» [1, с. 95].

И искусство, будучи системой познания мира, инструментом конструирования реальности, не может на указанные изменения не реагировать. Вот почему вопросы (обозначенные выше), к рассмотрению которых мы хотим обратиться в данной статье, выходят за узкие рамки мононаучности и обретают общегуманитарную значимость.

Итак, из всего объема актуальной проблематики, связанной с искусством в целом, с местом традиционного и новационного в нем, мы выбрали лишь три аспекта. Первый связан с оценкой классики как таковой. Второй – с определением взаимосвязи современного и классического искусства, а третий – с выявлением возможностей ее реинтерпретации и актуализации, а также их наиболее приемлемых форм.

Поскольку лучший способ узнать мнение человека по тому или иному вопросу – это спросить его об этом, мы для решения поставленных перед нами задач обратились к социологическому инструментарию, а именно к методу массового опроса. Под руководством автора на кафедре культурологии и социологии Челябинской государственной академии культуры и искусств было проведено исследование (2013–2014 гг.), в котором приняли участие 550 респондентов (жители г. Челябинска): мужчины (40,9 %) и женщины (59,1 %) в возрасте от 18 до 70-ти лет и старше. Тематически данное исследование было связано в целом с изучением восприятия респондентами образов прошлого в его отдельных проявлениях (различные исторические периоды, собственная биография и пр.), в том числе и в художественном. Так, нами были разработаны группы вопросов, выявляющих отношение к художественному наследию прошлого, классическому искусству, раскрывающих основные формы взаимосвязи прошлого и настоящего в культуре.

Оценка респондентами художественной классики

Предложенные варианты оценки классики развивались по своему содержанию от позитивной оценки («наиболее ценное, богатое по содержанию, наследие всего искусства») к негативной («давно отжившие формы, которые просто принято считать истинным искусством» и «консервативная традиция, которая мешает развиваться искусству настоящего и будущего») и

нейтральной («обычный временной период в истории культуры»).

В данном случае, безусловно, на респондентов оказывал влияние сложившийся речевой стереотип – классикой в самых разных сферах называют некий образец для подражания, нечто, созданное на высочайшем уровне и прошедшее проверку временем. Поэтому в самом слове «классика» заложено своего рода обращение к прошлому и аккумулируется противопоставление современности. И нам было интересно, какая позиция окажется доминирующей – пиететная по отношению к классике либо протестная, обусловленная господством ярких модернизационных настроений в современном обществе и стремлением к революционности, прорывности, в том числе и в сфере художественного творчества.

Как показал анализ результатов, первая позиция оказалась все-таки самой популярной: большинство респондентов (40,9 %) полагают, что классика – это «наиболее ценное, богатое по содержанию, наследие всего искусства». 20,3 % воспринимают классику как некий образец для оценки современного искусства. Надо отметить, что варианты ответов, связанные с низким ценностным статусом классики, не были востребованы среди респондентов всех возрастных категорий.

Надо сказать, что указанное нами распределение мнений весьма показательно, а отношение к классике – симптоматично. В любой культуре существуют свои «коннективные структуры» (понятие Я. Ассмана), то есть явления и механизмы, которые связывают различные элементы культуры в единое целое, не позволяя ей потерять свойства системности. Классика как одна из форм-носителей коллективной (или культурной, по Я. Ассману) памяти является частным примером такой коннективной структуры, позволяющей (в совокупности с аналогичными другими) культуре и даже шире – нации сохранять некую ментальную монолитность и поддерживать жизнеспособный уровень идентичности.

Само по себе данное утверждение звучит несколько пафосно и слишком масштабно для отдельно взятого феномена. Однако именно в классическом наследии, точнее в системе его функционирования в формате канона, традиции, нормы и пр., заложены мощные интегративные и идентификационные потенциалы.

Вообще, классика – это нечто большее, чем собрание «кондовых» образцов для подражания,

выставленных в музее, а отношение к ней – нечто большее, чем привычно восторженное восприятие созданных много веков назад произведений искусства.

Феномен классики теснейшим образом связан с каноничностью в культуре и появляется лишь в период принципиальных трансформаций представления о времени, главным образом – о прошлом. Классика формируется только тогда, когда прошлое перестает существовать в формате «правремени», равноудаленного от человека, в какой бы временной период он ни существовал. Представление о классических образцах появляется только тогда, когда в коллективном сознании оформляется система трех самостоятельных модусов времени (прошлого, настоящего, будущего), понимаемых исторически (прошлое, таким образом, начинает удаляться прямо пропорционально древности события или артефакта). То есть появление классики фиксирует зарождение нового, особого типа сознания – исторического, в котором и прошлое утрачивает черты мифологичности, и настоящее начинает ощущаться как самостоятельное, актуально проживаемое.

Важно, что понятие классики не только ретроспективно. Если все векторы культурного бытия направлены исключительно на повторение, на воспроизведение, это неизбежно приводит к стагнации художественной жизни и к неизбежному бунту против консервирующего ее начала. Подобные ситуации мы неоднократно наблюдали. Достаточно вспомнить судьбу русского академизма в XIX столетии.

Классика конструктивна, живительна для культуры только тогда, когда в ней, наряду с ретроспекцией, присутствует и перспективное начало, открывающее горизонт творческих возможностей, право на законное продолжение и развитие того, что было когда-то создано.

Специфика взаимосвязи современного и классического искусства

В данном случае предлагаемые респондентам позиции можно в целом разделить на два блока:

– «позиция эволюционизма» (предлагаемый вариант ответа в анкете: «Искусство настоящего опирается на наследие прошлого, находится с ним в неразрывном единстве»). В рамках указанной позиции делается акцент именно на наличии преемственности, эволюционных механизмов динамики в системе художественного наследия прошлого и актуального художественного творчества. Такая установка, оказавшаяся наиболее популярной (37,5 %), отражала, скорее, некое

архетипическое ожидание существования стабилизационной связи между прошлым искусства и его настоящим, чем рационально осмысленную констатацию наличной ситуации. Довольно часто, отвечая на вопросы, респонденты фиксируют свое мнение не о том, что есть на самом деле (многие из анкетированных не являются, что естественно, специалистами в сфере искусства и, более того, предельно далеки от него, особенно от современной, актуальной художественной ситуации), а о том, как, по их мнению, должно быть. В данном случае мы сталкиваемся с механизмом замещения – отсутствие информации (объективной) по какому-либо вопросу провоцирует замещение ее собственным субъективным видением проблемы;

– «позиция цивилизационизма» (вариант ответа в анкете: «Искусство настоящего абсолютно независимо от наследия прошлого, каждая эпоха рождает свое современное и актуальное искусство»). В данном случае под «цивилизационизмом» мы понимаем признание за искусством прошлого и искусством настоящего права считаться независимыми «цивилизациями», автономными и самобытными, не объединенными ощутимыми и значимыми связями. Надо отметить, что такое мнение оказалось достаточно востребованным (почти 20 % респондентов). Однако следует предположить, что отрицание преемственности между актуальным и классическим искусством, вероятно, объясняется тем, что под «искусством настоящего» и «современным, актуальным искусством» респонденты имели в виду разнообразные нереалистические формы художественного творчества, экспериментальные и эпатажные по своим содержательным и формальным характеристикам. Естественно, такое современное искусство резко контрастно традиционному и (хотя в действительности это не совсем так) не имеет с ним точек пересечения.

Оценка и формы актуализации классического художественного наследия

В рамках нашего исследования мы хотели выяснить, насколько приемлемы для респондентов какие-либо манипуляции с классикой, ее современное переосмысление. При этом мы сделали оговорку о том, что в данном случае под «осмыслением» подразумеваем не просто некоторую модернизацию классических форм и сюжетов, а их значительные изменения.

Если говорить о самом популярном отдельно взятом ответе, то им оказался тот, который выражает одобрительную реакцию на смелую актуа-

лизацию классики. 22,5 % ответили, что относятся к ней с «одобрением, это продляет жизнь классики, подтверждает ее “вечный” характер». Подобную позицию по отношению к классическому наследию Д. Ю. Густякова назвала «десакрализацией классики» [4, с. 119].

Нам кажется, что это связано, как ни странно, с фроммовской дилеммой «быть и казаться». Об этом в контексте обыденных представлений писал и М. Блок. Дело в том, и это повсеместно известно, что человек в его повседневном бытии как бы зажат между двумя полюсами – его собственных предпочтений, ценностей, привязанностей и пр. и тем, что считается в этом контексте допустимым и желательным с позиции, условно говоря, общественных норм. Если эти два полюса совпадают или почти совпадают – человек пребывает в ситуации гармонии. Если нет – он либо внешне или внутренне мимикрирует под социально одобряемые модели мыслей и поведения (социальный конформизм), либо противопоставляет себя им (социальный нонконформизм). Как правило, «простой человек» (среднестатистический индивид со среднестатистическими социальными амбициями) выбирает первый вариант как наименее энергозатратный.

В контексте наших рассуждений эта раскрывается связана следующим образом. Мы полагаем, что тот самый среднестатистический индивид в сфере собственных художественных предпочтений не нуждается в чем-то эпатажном, авангардном, непонятном, шокирующем, эксцентричном и пр. Поэтому выбор в пользу смелых и радикальных трансформаций классики – это скорее проявление социального конформизма: сейчас чрезвычайно активно пропагандируют, в том числе через каналы СМИ (и сфера культуры не исключение), все новое, необычное, революционное. В силу этого нам кажется, что подобный выбор – это не осознанное волеизъявление респондентов, а проявление «страха показаться несовременным».

Более того, можно предположить, что большинство респондентов не знакомы «лично» с теми вариантами работы с классическим наследием, в пользу которых они выступили.

Возвращаясь к анализу данного вопроса, отметим, что в целом все-таки большинство респондентов (в совокупности более 62 %) оценили радикальное переосмысление классики с разной степенью скепсиса – от приятия идеи, но неприятия результата, до возмущения. Интересно, что эта степень находится в прямой зависимости от

возраста: чем моложе респонденты, тем более лояльно они относятся к модернизации и даже трансформации классики, чем старше – тем более категорично. Например, вариант ответа, фиксирующий наиболее резкую форму неприятия «С возмущением: подобные попытки искажают высокий смысл и предназначение классики», оказался самым популярным у наиболее зрелых респондентов (старше 70-ти лет).

Подводя итог нашим рассуждениям, хочется отметить, что статус классики в современном социокультурном пространстве достаточно высок – классика всегда жива и современна. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить, а что подлежит забвению» [3, с. 230]. И хочется верить, что классическое наследие и впредь будет находиться в пространстве востребованной культурной памяти, выполняя функции «архива вечных истин, в котором, однако, нет пыли и плесени... классика – не мертвое творение прошлого, она живо реагирует на обновляющиеся запросы, оставляя при этом за собой право нести сквозь века неизменные ценности» [2, с. 93].

Библиографический список

1. Архипова, Л. М. О крутизне «мемориальных» поворотов в современной историографии [Текст] / Л. М. Архипова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2 – Том I (Культурология). – С. 92–97.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Васильев, А. Г. Феномен творчества в контексте memory studies [Текст] / А. Г. Васильев // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 1 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 227–231.

4. Густякова, Д. Ю. Принципы отторжения русской классики в отечественной массовой культуре [Текст] / Д. Ю. Густякова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 1 – Том I (Культурология). – С. 116–121.

Bibliograficheski spisok

1. Arhipova, L. M. O krutizne «memorial'nyh» povorotov v sovremennoj istoriografii [Tekst] / L. M. Arhipova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2015. – № 2 – Tom I (Kul'turologija). – S. 92–97.

2. Assman, Ja. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o prošlom i političeskaja identičnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Tekst] / Ja. Assman ; per. s nem. M. M. Sokol'skoj. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 368 s.

3. Vasil'ev, A. G. Fenomen tvorčestva v kontekste memory studies [Tekst] / A. G. Vasil'ev // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2013. – № 1 – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 227–231.

4. Gustjakova, D. Ju. Principy ottozhenija russkoj klassiki v otečestvennoj massovoj kul'ture [Tekst] / D. Ju. Gustjakova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2015. – № 1 – Tom I (Kul'turologija). – S. 116–121.